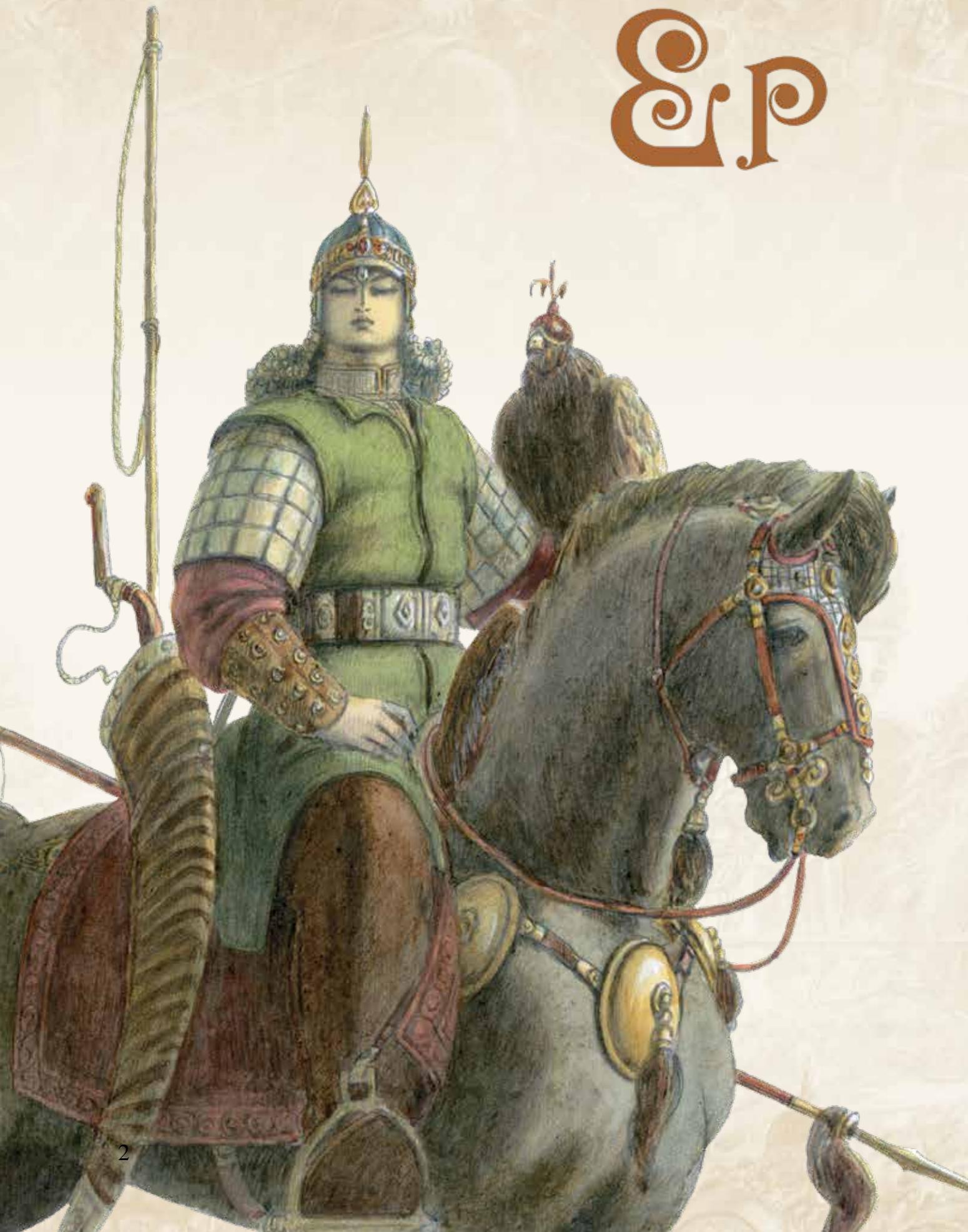

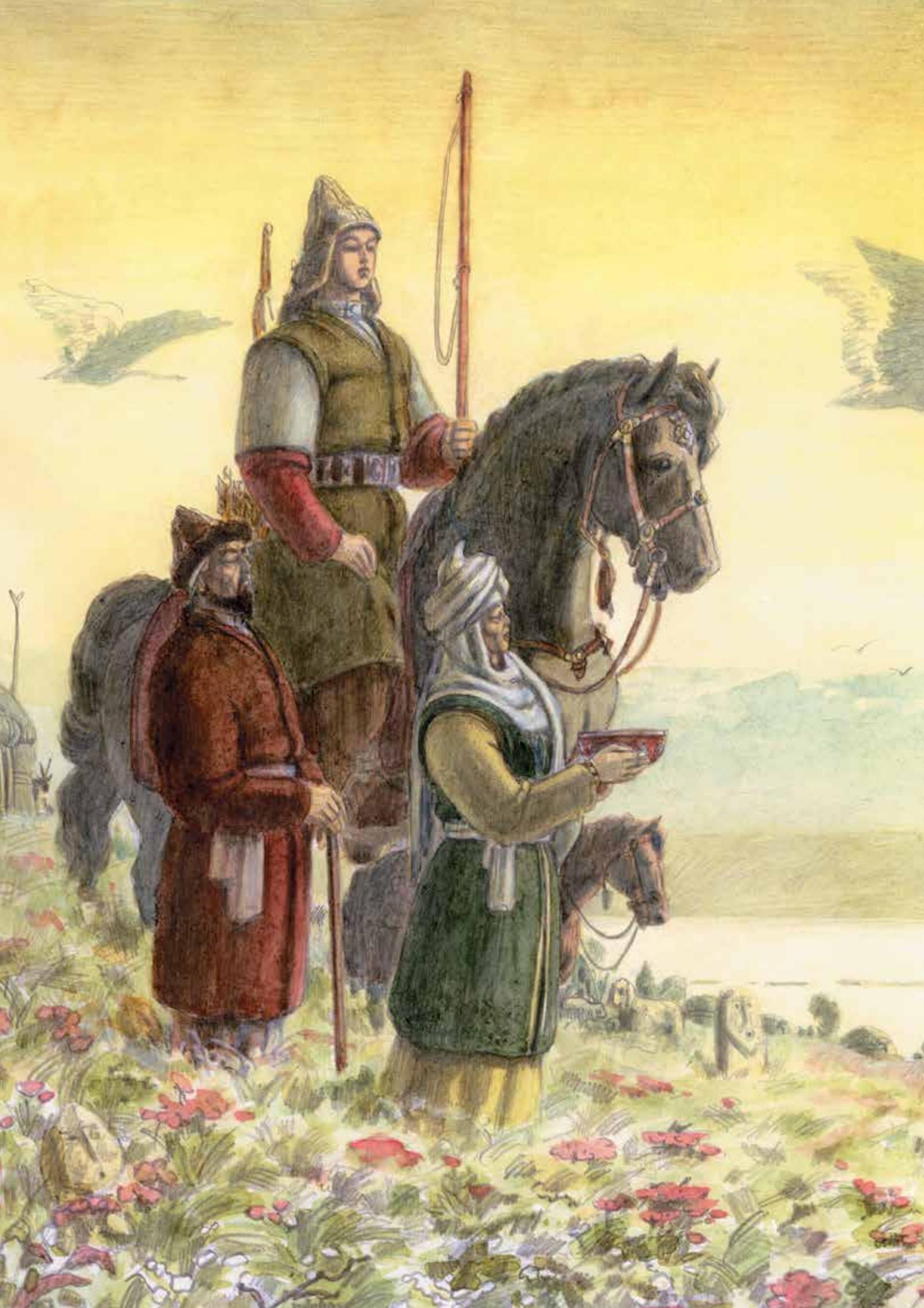
EP

САРГЫЛУУ

АЛМАТЫКИТАП БАСПАСЫ
2017

ББК 82.3 Каз
Е 64

Издание рекомендовано Министерством образования и науки Республики Казахстан
к использованию в учебно-воспитательном процессе общеобразовательных школ

Е 64 Ер Таргын. Героический эпос. Прозаическое переложение Мухтара Магауина.
Перевел с казахского Ерлан Сатыбалдиев. – Алматы: «Алматықітап баспасы»,
2017. – 104 стр., илл.

ISBN 978-601-01-2357-1

Героический эпос – историческое достояние народа, дошел до нас в жанре монументальных поэм, стихотворный ритм которых перемежался с прозаическими отступлениями. В последние годы наше издательство стало издавать для детей в адаптированном виде эпические произведения, переложенные в прозу. Эпосы “Кобыланды батыр”, “Алпамыс батыр” и предлагаемый вниманию эпос “Ер Таргын” переработал в жанре прозы известный детский писатель Шакен Кумисбаев. Он знакомит юных читателей с героическим прошлым казахского народа, воспитывает такие качества как смелость, ум, человечность, любовь к Родине и готовность защищать ее от врагов, как это делал могучий Ер Таргын.

Heroic epopes are one of the genres of Kazakh nation's folklore. The names of such batyrs as Er Targyn, Alpamys, Koblandy, Kambar and their feats of arms lived among people during many centuries. They piously believed that batyrs' spirits eternally accompanied the Kazakhs' nomad camps, defending their lands from an enemy and safeguarding their descendants' peace.

The essence of the epic work is remade taking into consideration the age peculiarities of children of the junior and middle school age. The beautiful pictures will facilitate the vivid perception of heroes and the comprehension of the book.

ББК 82.3 Каз

ISBN 978-601-01-2357-1

© Прозаическое переложение М. Магауина, 2008
© Перевел с казахского Е. Сатыбалдиев, 2008
© Иллюстрации А. Дузелханова, 20108
© ТОО «Алматықітап баспасы», 2008

ЕР ТАРГЫН

ришло вдруг смутное, лихое время. В народе не стало единства, а мужчины забыли покой. Разбрисался на тридцать улусов многочисленный народ ногайлы, на земли которого раньше не ступала вражья нога. Человеку не хватило бы жизни, чтобы объехать ногайлинские степи. А теперь в каждом улусе стал править свой хан. И у каждого хана был свой бий. Ханы грабили подвластных людей, а бии ехали следом и добирали то, что осталось после ханов. В позоре и унижении влачил свои дни народ. И не слышно было среди этого буйства голоса справедливого, только печаль была всеобщим уделом. А ханам и биям казалось мало отобранного у своих, стали они грабить и притеснять сородичей, с которыми еще недавно жили в крепком союзе и вместе встречали врага. Если раньше беда приходила из-за дальних перевалов, то теперь она затаилась под боком. Тяжбы и драки, набеги и воровство царили среди ногайлинских аулов. И не было видно всему этому конца.

В это-то время и жил, ни к кому не питая вражды, мерген* Естерек. Обитал он в богатой травами и водою долине Киян к северу от горной гряды Казылык. Естерек охотился на джейранов и куланов, тем и жил.

На склоне лет родился у мергена сын Таргын, который вскоре стал выделяться среди сверстников невиданной силой – мог скрутить как ягненка огромного вола, а спокойствием и рассудительностью усмирить и свирепого дракона. Очень рано понял Таргын, сколько бед и страданий несут народу своими бесчинствами и коварством ханы и би. Чтобы защитить и без того терзаемый междуусобицей народ, Таргын откочевал к горам Казылык, к месту, называемому Темир Какпа – Железные Ворота, единственному пути, где могло перевалить через горы войско врага. Было у Таргына два коня – Азбан и Тарлан. В туманные дни садился он, чтобы ехать в дозор, на Азбана, а в ясный день седлал Тарлана.

И вот однажды, когда Таргын приехал в аул, чтобы поменять коня, навстречу ему с плачем вышел его старый отец. Все лицо у старика было разбито, и кровь стекала с бороды.

Увидел это Таргын и понял, что в доме его побывал враг.

– О, отец! Кто изранил твоё лицо? Кто бороду кровью окрасил твою? – обратился Таргын к отцу. – Разве я не стоял у Железных Ворот? Может, с неба спустился дракон, или из-под земли вышла ведьма-жалмауыз?

Отвечает старик:

*Мерген – охотник, меткий стрелок.

– Не с неба спустился враг, и не вышел он из-под земли. Здесь он бродит, меж наших аулов. Нет, не пришлый он – из своих!

– Кто же это? Может, старые счеты сводил, может, мстил за обиду недавнюю. Молод он, если ищет врага? Или старец, сошедший с ума?

– Не было у нас ни с кем вражды, не за что нам и мстить. Все, кто молод, в далеком набеге, а старцы, век свой отжив, по постелям лежат в ожидании смерти. Бий Шортан с сытой рожей бараньей и с черной козлиной бородкой был здесь. Ездит он по аулам, чтобы дань содрать с беззащитных, а строптивым воздать.

– Разве не были мы от налогов свободны, разве кто-то из нас лиходеем прослыл? – спросил отца Таргын. – Может, это Шортан угоститься приехал у Естерека, что живет в стороне от улусов? Может, ты, мой отец, достойно гостя приветить не смог? Не предложил всего, чем богат дастархан?

– Не лишился рассудка еще Естерек, не забыл он, как надо встречать именитых гостей. Я навстречу ему с распростертыми вышел объятиями. На зеленом лугу юрту белую гостю поставил. И баранов отборных зарезал в честь бия. Да велел поднести ему добрый кумыс. Бий же дерзкий с коня не сошел – стал орать на меня. Ты глупец, говорит, обнаглевший! Разжирел, говорит, на мясе куланьем. Как ты смеешь держать в табуне своем жалком скакуна, нет какого в табунах многочисленных бия Шортана?! Как ты смеешь, мерген чернокостный, разъезжать на коне, нет подобного которому у самого хана Ормана?! Стал он требовать. Дал ему семь коней я, которых кормил на забой. Но не взял их Шортан. Предложил ему шесть аргымаков – он от них отказался. И тогда я назвал скакуна Кусжетпеса, не сумеет которого обогнать даже птица, – бий не принял его. Отказался он взять и коня Жельжетпеса, что резвее, чем ветер. И тогда откупиться решил я Бозатом, чьи копыта подбиты стальными подковами, а персидскою хною окрашены грива и хвост. Бий отверг мой подарок, да не просто отверг – он, коня своего горяча, вынул саблю и к самому горлу приставил мне острие. Вот тогда-то и проклял я старость свою – ведь позор этот мне пришлось пережить, когда силы былые ушли. О, лучше б он перерезал мне горло и я захлебнулся в своей же крови, лучше б он на куски изрубил мое старое тело! Но Шортан не прирезал меня, не стал убивать – он отсек своей саблей кривою мою белую бороду. Сделав это, он саблю в ножны вложил, взял двухвостую плеть и меня, как раба своего, отстегал. А все сорок джигитов, что были при нем, над позором моим потешались. Тем не кончились униженья мои – бий увел за собою Тарлана, нашу гордость, с округлыми, точно у волка, ушами, скакуна, у которого ноги стройны, как у лани, а копыта прочнее, чем сталь. Он увел скакуна под седлом из золота литого, из наборного золота сбруя его, стремена же ковались из самого звонкого золота в мире. Этот конь лишь батыру под стать,

только юноша смелый мог счастья на нем попытать. Стоил конь этот тысяч отборных коней!

Услышав эти слова, Таргын едва не взорвался от гнева. Пересел он на Жельжетпеса, а в повод взял Кусжетпеса. И помчался догонять бия Шортана.

Таргын менял поочередно скакунов и вскоре настиг бия Шортана. Он застал его спящим в зеленом шатре, что был разбит средь пышного луга. Крикнул Таргын, остановившись перед шатром:

– Эй, бий хана Ормана Шортан, не заря уже и не ночь, чтобы спать – время к полудню. Срок пробужденья мужчины давно уж прошел. Вставай!

В ужасе проснулся от голоса Таргына бий Шортан. Задрожал он от страха, стал суетливо натягивать на себя доспехи, выхватил саблю. Поглядел бий в щелку и увидел, что стоит перед шатром не великан, не ангел смерти Азраил, а простой человек о двух ногах и с одной головой. Бий унял дрожь в коленях и разгневался оттого, что кто-то посмел нарушить его сон. Шортан бий напыжился как индюк и, чинно вышагивая, словно раскормленный гусь, вышел из шатра. И сказал ему Таргын:

– Бий хана Ормана Шортан, что наведался вчера в аул мергена Естерека! Бий Шортан – тот, кто не стал гостить в белой юрте! Бий, который отверг мед и кумыс! Бий, опозоривший моего старого отца! Бий, который хлестал старика по седой голове. Душа моя готова сгореть! Что скажешь ты мне, бий Шортан?

Грозный вид батыра вселил страх в сердце Шортана бия. И оттого заговорил он льстиво:

– Братец мой, я останусь в твоей юрте гостить, буду пить твой мед и кумыс. Забирай назад своего Тарлана, дай взамен Жельжетпеса и Кусжетпеса. Дай мне пестрого иноходца с белыми копытами и поджарого рыжего иноходца. Дай мне шесть аргымаков, семь коней на забой. Я приму эту подать и буду доволен, братец мой!

Отвечает ему Таргын:

– Ты, верно, думал, что в ауле моем нет хозяев, а у отца моего нет защитников? Заживут следы твоей плети, но не потухнет в груди пожар, что зажег ты своим оскорблением. Затянутся раны, нанесенные клинком, но не заживут вовеки те раны, что нанесены словами. Может, ты заблудился, а может, разум твой помутился? Тогда упади в ноги старику, которому ты вчера отрезал бороду, и моли о прощении. Совершивший постыдное для мужчины дело, что скажешь ты мне?

Скосил воровато глаза бий Шортан и увидел, что сорок его джигитов незаметно окружили Таргына.

Если трусов собралась толпа, то все они герои. Бий Шортан быстро осмелел, когда увидел, что вся его свита в сборе, а противник, хоть и бесстрашен с виду, но всего лишь безусый юнец. Бий вскочил на коня, что стоял на привязи под знаменем.

– Кто ты такой, чтобы так разговаривать с бием хана Ормана Шортаном? – крикнул бий. – Меч, который отрезал бороду твоего отца, сейчас отрубит твою голову. Эй, сорок моих джигитов! Полюбуйтесь-ка на мою потеху. Сейчас я сниму голову этому Таргыну, отрублю нос, проткну ухо и приторочу ее к седлу.

Так похвалялся бий Шортан, и, не подобрав даже повод, опустив свою саблю, спокойно, будто и не было перед ним врага, стал надвигаться на Таргына.

– Не шути так, дядюшка, – сказал Таргын.

– А шутки у меня крутые, – ответил Шортан.

И уже поднял было саблю. Поднять-то поднял, но взмахнуть не успел. Таргын ударил его тяжелой плетью – доиром, плетеной в две-надцать жил с грузом стальным на конце. И плеть обвила голову бия в собольей шапке. Бий упал с коня с размозженным черепом.

А сорок джигитов, увидев, какая участь постигла их повелителя, в страхе разбежались.

Таргын не стал их преследовать. Он снял с Тарлана короткую узду, накинул на него чебур, оседлал и отправился в родной аул, ведя в поводу Жельжетпеса и Кусжетпеса. Навстречу ему вышел Естерек.

– Отец, я убил Шортана бия хана Ормана! – сказал Таргын.

И отвечал Естерек:

– Ты убил Шортана – ханского бия. И значит, навлек неизбежную беду на наши головы. – Старик опустился на землю и обхватил ноги сына.

– Дай совет, отец, найди верное решение, – сказал Таргын.

– Сынок, пролита кровь ханского рода, и за нее взыщут. Что ж, на лихого нарвется тот, кто лиха ищет. Кровь Шортана – твое проклятье. Но не грусти и не падай духом. Я пожил на этом свете. И до могилы мне ближе, чем до торя в юрте. Не тужи. Широка земля ногайлинская. Садись на Тарлана и ищи свою долю.

Пошел Таргын к своей матери Есенбике.

– Апа, я убил ханского бия Шортана и навлек на головы наши горе. Я улетаю из-под крыла твоего, так прости, что не смог отблагодарить тебя за белое твое молоко, которым ты вскормила меня.

– Ты ханского бия убил, но поступил, как мужчина! Значит, не зря я вскормила тебя своим молоком.

Есенбике раскинула ладони и благословила Таргына. И еще мать дала сыну три совета:

– Не проходи, сын мой, мимо ханского дворца, а если придется пройти, не оглядывайся по сторонам. Не давай чужаку свой лук, даже если сдружишься с ним, но если придется дать – тетиву оставь себе. Не давай также и стрелы своей, но если придется дать – затупи наконечник. Нелегко тебе будет следовать моим советам, но только выполняя их, сынок, ты добьешься счастья и дойдешь до своей цели.

Таргын распрощался с родителями, сел на коня Тарлана и отправился в путь. И пролегли перед молодым батыром три дороги. Направо уходила дорога на славную своею казной золотую Казань, налево – на знаменитый Азов, а прямо – в далекий Крым. Таргын не стал никуда сворачивать и поехал прямо.

В то время маленький Крым был разрознен на сорок частей. Сорок ханств расположились в Крыму. Из сорока крымских ханов самым сильным был Акша хан. В его владениях и остановился Таргын.

Проходили дни и месяцы. Минуло уже немало времени, но никто не догадывался о том, что настоящим батыром был скромный Таргын.

Он продолжал жить на правах гостя в радушных аулах Акша хана.

Крым враждовал тогда с заклятыми своими врагами – торгаутами, которые проходили по ногайлинским землям опустошительными набегами. И сколько бы славных батыров ни вышло из ногаев, не смогли они победить и поставить на колени этого врага.

Но в один из дней Акша хан решился превзойти своих предков – он собрал огромное войско и отправился в поход.

Таргын тоже пристал к войску, хоть никто и не приглашал его, а воины не подозревали о том, что появился среди них еще один батыр.

И вот тяжелое войско, двигаясь непрерывно дни, недели и месяцы, достигло наконец вражеских рубежей. Враг тоже был наготове. Тысячи пеших и конных воинов под барабанный бой развернулись в боевом порядке, приготовившись встретить войско хана. И была кровавая битва. Кони ходили по колено в крови, а тела павших воинов горами возвышались над полем.

Все же скоро ногайлинское войско стало одерживать верх. Враг начал пятиться. Но не дрогнул, не побежал, а, отступив, заперся в крепости.

Акша хан осадил крепость; много дней он пытался пробиться в нее, но разрушить стены так и не удалось. Высокими они были, со множеством башен, в которых укрывались стрелки. А толщина каменных стен была такова, что по ним свободно проезжала арба, запряженная парой лошадей. Лучники разили одного за другим ногайлинских батыров через маленькие – со стремечко – бойницы. Но воины все же пробились к самым стенам, смельчаки стали подниматься по осадным лестницам с одной лишь саблей в руке. Но сверху на их головы обрушились огромные, с котел, камни, потоками полилась горящая смола. До вершины стены не смог добраться ни один.

Прошло несколько недель, и войско хана выбилось из сил. Да к тому же кончились припасы еды. А враг в крепости за это время успел накопить новые силы. Стали торгауты устраивать вылазки из крепости. В самом неожиданном месте раскрывались ворота, и из них вырывалась вражеская рать, закованная в серое железо. Торгауты громили ногайлинские обозы и снова запирались в крепости.

Акша хан перестал помышлять о победе. Стал подумывать он о том, как бы убраться отсюда подобру-поздорову. И велел он играть на кернеях и сырнаях – собирать войско в обратный путь. Но насколько было хану легко достичь вражеской земли, настолько трудно оказалось вернуться в родные края.

Распахнулись все ворота крепости, и стало вытекать из них – словно струи дыма – бесчисленное войско.

С самого начала похода Таргыну еще ни разу не довелось принять участие в битве. Но все это время он присматривался к врагу и старался распознать причины неудач Акша хана. Увидел Таргын, что ногайлинцы сняли осаду крепости и собираются возвращаться, а торгауты не думают выпускать их живыми со своих земель, и подумал, что пора бы ему испытать свои силы. Надел он кольчугу с просветами меньше воробышего глаза, с двойными сверкающими на солнце зеркалами, на голову себе водрузил шлем белой стали булатной, круглый, как полная луна, украшенный перьями филина. Все пять видов оружия взял Таргын. Конь его, Тарлан, тоже не бывал еще в битве. Таргын укоротил подхвостник, затянул еще крепче обе подпруги. Тело коня укрыл непробиваемыми щитами, так что только ноги были видны. Призвал батыр в помощь духов предков своих славных и сел на коня. В это время передние ряды торгаутов уже вклинились в строй ногайлинского войска, которое еще не успело развернуться. Враг нападал бесстрашно и стремительно, словно сокол на добычу. Торгауты начали уже теснить ногайлинцев.

Но Таргын не бросился в гущу боя, не стал он смотреть и на полки, еще только подступавшие к войску, а кинулся прямо к воротам крепости.

Тарлан нес батыра сквозь вражеское войско по пути, который Таргын расчищал себе копьем длиною в шесть кулаш.* Достигнув ворот, Таргын выхватил тяжелый меч-алдаспан длиною в семь карысов.** И рубил он своим алдаспаном врагов, наседавших справа и слева, и скоро очистил от них площадь перед железными решетчатыми воротами, а потом взялся за палицу, которая весила восемь батпанов, и разбил ею вдребезги каменные засовы ворот. Торгауты снова метнулись к батыру, и он стал разить набегавших на него врагов кинжалом, а тех, что побегали со стороны поля, настигать стрелами.

Когда Таргын кинулся один на врага, в войске хана никто не узнал в нем того юношу, что гостил недавно в аулах Акша хана, подумали, что это кто-то из ногайлинских батыров, – их много было в этом походе.

Народа без храбрецов не бывает. Сначала вслед за Таргыном поскакал один воин, за ним второй, потом примкнули к ним другие жигиты.

*Кул аш – расстояние между концами вытянутых в разные стороны рук.

**Карыс – расстояние между разведенными концами большого и среднего пальцев одной руки.

И вот группа ногайлинских воинов по проторенной Таргыном дороге пробилась к главным воротам.

Когда Таргын с гиканьем ворвался в крепость, кося врагов, как сорную траву, к воротам бурным потоком натекало остальное ногайлинское войско.

В открытой схватке не было равных ногайлинским батырам. Вскоре они захватили полностью крепость.

Как только крепость пала, войско торгаутов, находившееся в поле, прекратило сраженье. Торгауты разбили о камни свое оружие, во главе со своим ханом Олалаем стали сдаваться, прося о пощаде.

Возликовали ногайлинцы – ведь наконец-то был повержен враг, который столько лет восседал на шее народа, не давая ему распрямиться. Цель похода была достигнута, и войско двинулось в родные края.

Акша хан возвратился в свои наделы, залечил раны, а душа его обрела спокойствие. Сел он на свой трон и повелел привести к нему того батыра, что первым пробился сквозь вражеский строй к воротам крепости.

Нукеры* обошли всех батыров, которые были в походе, разыскали Таргына и привели его к хану.

Посмотрел хан на юношу и порадовался – до этого он видел его только издалека, – теперь же убедился, что он и обликом своим так же хорош, как и его дела.

Но убедился хан и в том, что этот батыр не из его аулов – своих-то он всех знал в лицо.

– Какого ты рода? – спросил хан.

– Я казах.

Род наш благородный – Алшын. А предок мой дальний – славный Алау. И зовут меня Таргын.

– Ер Таргын,** если род твой Алшын, а предок дальний – благородный Алау, что же делаешь ты в этих краях?

– Я убил бека, что был правой рукой нашего хана. И искал спасения своей голове и пристанища для души. И потому бежал в ваш журт.***

И спросил тогда хан:

– Бежал? Но где была твоя храбрость, с которой обрушился ты на врага в этом походе?

– Не дело мужчины заставлять плакать свой же народ. Задача батыра не допускать врага к своим землям.

Акша хан убедился после этих слов, что Таргын не только храбр и хорош собой, он был, ко всему, наделен и умом. Не мешкая долго, хан отдал приказ назначить Таргына военачальником – аскербасы.

В те времена случалось нередко, что даже сотенные начальники ханского войска – жузбасы – в мирные дни пускались в буйства. Они,

* Нукеры – воины ханской свиты.

** Ер – здесь: герой.

***Журт – здесь: народ, собранный под единным началом.

не стыдясь, обирали народ, учиняли разбой. А бывало и так, что, задумав в одну ночь отхватить несметные богатства, устраивали набеги на своих же родичей, живущих по соседству.

Случись в это время напасть настоящим врагам – народ оставался без защиты.

Таргын с первого же дня положил конец этим бесчинствам. И был он в этом деле не одинок. Он собрал вокруг себя сорок сверстников-батыров и багланов* под стать себе, мощных, таких, что могли бы схватиться с горным медведем, с сердцами, наполненными благородными мыслями о благе народном. Где умом, а где силой – все вместе – они быстро навели порядок в улусе.

И воцарилось спокойствие.

Была у Акша хана дочь-баловница – чела ее не касался даже луч солнца, а волосы ее не тревожил даже степной ветерок. Красотою своей она затмевала луну на ночном небосводе. И была она телом белее самой белой пшеничной муки, а лицом светлее степных миражей. Шелковистые косы ее спадали до пят, брови тонкие гнулись как луки тугие, а ресницы – стрелы острые в этих луках. Красотою своею могла Акжунус свести с ума любого, на кого падал взгляд ее бездонных и ясных, как у лани, глаз.

Слух о мудрости Таргына, его красоте и смелости передавался в народе из уст в уста, дошел он и до ушей дочери хана. Стала она спрашивать о нем подробней. И лишилась девушка покоя, когда рассказали ей о храбости героя, бросившегося в одиночку на тысячное войско, о силе батыра, разбившего каменные засовы крепостных ворот, об уме полководца, положившего конец грабежам и насилию в улусе. Днями напролет девушка думала о батыре, а ночью он входил в ее сны.

И вот наконец она подозвала к себе одного из воинов охраны дворца. Подозвала и вручила ему тысячу дильда.

– Пусть это золото будет залогом нашей тайны, – сказала она воину. – В ханстве появился батыр по имени Таргын. Пойди к нему незаметно и дай знать, что душа моя тянется к нему. Если кто-нибудь другой узнает об этом – не сомневайся в том, что будешь изрублен на части. И коли правда, что умен Таргын, он станет искать встречи со мной. В один из благословенных дней, когда затихнет все во дворе, ты подведешь его к моему окну с золотыми створками.

Пошел воин к Таргыну и передал слова девушки. Но Таргын был не только бесстрашным батыром, ума и рассудительности ему хата-

*Баглан – неженатые юноши именитых родителей.